

Совершая РА-стимул, говорящий исходит из пресуппозиции достижимости его целей. РА удивления в качестве ответа на вопрос указывает на недостижимость поставленной цели вопроса – получить запрашиваемую информацию.

Суммируя изложенное, можно сделать вывод, что сравнение соответствующих элементов пропозиции в когнитивных системах продуцента РА-стимула и реципиента оказывается удобным инструментом для формализации взаимодействия индивидуальных когнитивных систем и экспликации их различий.

Литература

- 1 Баранов А Г Функционально-прагматическая концепция текста – Ростов-на-Дону, 1993
- 2 Бахтин М М Тетралогия – М , 1998
- 3 Красных В В Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология – М , 2002
- 4 Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ ред Е С Кубряковой – М , 1996
- 5 Кубрякова Е С Язык и знание На пути получения знаний о языке Части речи с когнитивной точки зрения Роль языка в познании мира – М . 2004
- 6 Малимонова Н В Когнитивно-прагматические аспекты отрицания // Вісник Харків нац ун-та ім В Н Каразіна – Харьков, 2004 – № 636 – С 112–115
- 7 Малимонова Н В Оппозитивная реакция в современном английском языке Дисс канд филол наук – Харьков, 1996
- 8 Павиленис Р Й Проблема смысла Логико-функциональный анализ языка – М , 1983
- 9 Падучева Е В Динамические модели в семантике лексики – М , 2004
- 10 Почепцов Г Г Теория коммуникации – М , 2001
- 11 Dijk T A van Episodic models in discourse processing // Comprehending Oral and Written Language – N Y , 1987 – P 161–196

РУССКИЕ ВОКАТИВЫ: ЧАСТЕРЕЧНАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ АДРЕСАТНОЙ СЕМАНТИКИ

А.В. Полонский
Белгород

Проблема частей речи как важнейших грамматических категорий была предметом глубокого изучения не одного поколения как российских, так и зарубежных исследователей (Виноградов 1947; Поспелов 1954; Щерба 1957; Савченко 1959; Супрун 1971; Jodłowski 1971; Saloni 1974; Кубрякова 1978; Степанова, Хельбиг 1982 и др.). Об этом свидетельствуют не только значительный корпус научных работ, но и многочисленные частеречные классификации. Некоторые из них вошли в современные академические и школьные грамматики и получили статус «традиционных». Однако традиционный список частей речи появился вовсе не в результате логически выверенной классификации, в основе которой лежали бы единые, непротиворечи-

вые принципы (см., например: (Шелякин 2001: 20)), а в результате компромисса между разными точками зрения. Как справедливо замечает И.Г. Милославский, «принципиально компромиссный характер решений, принимаемых по вопросу о частях речи, приводит к тому, что проблема частей речи относится к числу “вечных” проблем в грамматике» (Милославский 2002: 465).

Теоретическое осмысление категоризация языковых фактов, демонстрирующих способы упорядочивания смысла, убеждает в истинности слов, высказанных М.В. Всеволодовой, относительно того, что «язык, отразивший в своем национальном лексиконе и в своей грамматике (в самом широком понимании этого слова) весь многоаспектный опыт прошлых поколений его носителей, всегда гораздо “мудрее”, гораздо богаче, тоньше и разнообразнее в фиксации, структурировании и выражении смыслов, нежели наши самые изощренные построения» (Всеволодова 2005: 32). Непрочность «традиционных» оснований грамматической идентификации слова очевидна, и особенно она ощутима сегодня с позиций новой парадигмы лингвистических знаний, что и побуждает исследователей к поиску новых решений (Панов 1999; Мурясов 1999; Вежбицка 1999; Котвицкая 2002 и др.). Настоящим прорывом стал предложенный Е.С. Кубряковой когнитивно-дискурсивной подход к осмыслению частей речи как естественных прототипических категорий, возникших в результате категоризации опыта человека средствами языка (Кубрякова 1997).

Именно в этом ключе мне и хотелось бы обратиться к проблеме частеречной объективации адресатной семантики в современном русском языке, с учетом, с одной стороны, положения Э. Сепира о том, что язык – это не только символическая система, но и способ отображения *в с е х* (курсив и разрядка мои – А.П.) мыслимых разновидностей опыта человека (Сепир 2003: 152), с другой стороны, понимания культуры как протекающего внутри человеческой психики процесса познания, в котором участвуют наши повседневные культурные практики – эндопсихические и эзопсихические одновременно (Hutchins 1995: 356).

В процессе освоения многообразного и изменчивого мира и «переложения» его на язык мысли создается адекватный человеку формат концептуальной картины мира, коагулированной в системе языка, поэтому анализ языковых категорий, вырастающих из категорий когнитивных, требует учета как онтологических свойств объекта познания, так и особенностей самого познания, обусловленного совокупностью психологических, культурологических и социальных факторов.

Категоризации, то есть сравнению, обобщению и рубрикации, подвергается не только многообразное объектное пространство, которое познающее “я” (*языковая личность*) наблюдает, фрагментирует и классифицирует («я → он»), выстраивая его языковой образ (семантическая функция третьего лица), но и коммуникативное, в котором я приобретает новое, коммуникативное качество (*коммуникативная личность*), попадая в систему иных, субъектно-субъектных («я ↔ ты») отношений. Возникший в результате категоризации коммуникативного пространства фрейм “коммуникативный акт”, с одной

стороны, отражает, воспользуемся определением А. Вежбицкой, «универсальный алфавит человеческой мысли», а с другой – имеет этнокультурную маркировку, поскольку результат языкового осознания всегда имеет артефактный характер.

Ключевым репрезентантом, или прототипом, «когнитивным ориентиром категории» (Болдырев 2002: 82), является лексема *ты* – классический вокатив (Токарский 1973; Полонский 2001), комплекс категориальных признаков которого выступает в качестве эталонного.

В фокусе же предлагаемого исследования находятся изосемические лексические репрезентации концепта “ты”, лишь в той или иной степени соответствующие своему прототипу и образующие тем самым «шлейф» непрототипических репрезентаций, названных Д.Э. Розенталем «словами-обращениями» (Современный русский язык 1971: 529) и традиционно относимых к именам существительным с синтаксически обусловленным значением обращения (РСС: 346 – 350). Однако грамматическая интерпретация данных лексем, на мой взгляд, требует своего уточнения.

Имя существительное как часть речи объективирует концепт “предмет”, который, соответственно, можно представить в конкретных временных и пространственных границах, в системе субъектно-объектных отношений (в качестве как субъекта, так и объекта) и в качестве носителя общих и индивидуальных признаков – статических и динамических. Следовательно, имя существительное представляет собой класс идентифицирующих слов. Грамматические свойства субстантивного имени, коллегированные со свойствами номинированного им денотата, логично обнаруживаются в его синтаксических функциях – языковых «переложениях» свойств универсума.

Диагностирующими функциями субстантива являются: 1) функция подлежащего (субъекта), то есть обозначение предмета; 2) функция сказуемого (предиката) – описание свойств предмета (его признаков и его отношения к другим предметам); 3) функция дополнения (объекта) – обозначение предмета, испытывающего воздействие со стороны субъекта; 4) функция определяемого слова, при этом в качестве определения обычно выступает имя прилагательное. Свободная синтагматика с признаковыми словами относится к уникальным свойствам субстантива.

Если пропустить сквозь данное признаковое «сито» лексикон русского языка, то на фоне «классических» субстантивов совокупностью своих, специфических признаков будут выделяться такие лексемы, как *батенька, браток, голуба, голубушка, голубчик, девонька, детка, дорогуша, дружище, зол-пко, золотце, касатик, лапушка, лапонька, милаша, милка, милок, милочка, не-аглядная, ненаглядный, паря, робя, роднуля, соколик, старина, сударик, суарка, сударь, сударыня, сударушка*, названные нами *в о к а т и в а м и* по их примарной функции – обращения.

Вокативы, в отличие от имен существительных, объективируют не концепт “предмет”, а концепт “ты” фрейма “коммуникативная ситуация”, иными словами, вокативы называют не отстраненное лицо, а присутствующее. Денотативная специфика вокативов заключается в том, что они не назы-

вают, как имена существительные, совокупности объектов внеязыковой действительности, каждый из которых имеет свои, сугубо индивидуальные признаки, а называют лицо как некоторую социально-ориентированную коммуникативную модель. Другими словами, именуя лицо по присущей ему коммуникативной роли адресата, вокативы предизируют не индивидуализирующую информацию, а лишь те признаки, которые востребованы в конкретных условиях коммуникации, а именно: социально-референтный (адресат *выше – равен – ниже* говорящего), гендерный и/или эмоционально-оценочный:

«Голубчик, -а, м. (разг.). Ласковое обращение к мужчине. // ж. голубушка»; «Милочка, -и, ж. (разг.). Ласковое обращение к женщине, девочке» (Ожегов: 127, 323); «Сударь, -я, м. Устар. Форма вежливого обращения к мужчине из привилегированных слоев общества»;

«Сударыня, -и, род мн. -рынь, ж. Устар. Форма вежливого обращения к женщине из привилегированных слоев общества» (МАС IV: 300).

Как видим, семантическая структура вокативов близка к прототипической, поэтому с этой точки зрения они безусловно являются стилистически синонимами лексемы *ты* – репрезентанта коммуникативного пространства, а не именами существительными, обозначающими фрагменты внекоммуникативной действительности.

Вокативы, в отличие от имен существительных, не выступают в функциях ни подлежащего, ни сказуемого. Их диагностирующей функцией является обращение, предизирующее об адресате лишь коммуникативно значимую информацию, при этом максимальный предикативный эффект достигается при несовпадении «адресатного имени» с уровневыми ожиданиями партнера: «Сергей... прибавил робко: “Извините, сударь”. Это извинение совсем взбесило офицера...: “Я тебе не сударь, а государю моему штабс-ротмистр!.. Сударь! Если бы не дамы, я бы ему такого сударя показал”» (А. Куприн).

Исходную форму вокативов, по всей видимости, следовало бы квалифицировать как вокативную, поскольку номинативная форма – это грамматический маркер некоммуникативного пространства, противопоставленного коммуникативному. Случаи же падежной «драматургии» вокативов, то есть их употребления в косвенных падежах, обнаруживают эвентуальные грамматические способности, проявляющиеся в условиях так называемого цитатного употребления, то есть перенесения адресатного имени из коммуникативного пространства в некоммуникативное.

Семантические особенности вокативов проявляются и в их ограниченной синтагматике: они не могут иметь предикативное определение, а в качестве непредикативного выступают лишь те имена прилагательные, которые выражают эмоциональное отношение говорящего к адресату (такие, как *милый, дорогой, родной*), и местоимения *мой / наш*, испытывающие, в свою очередь, процесс десемантизации и адъективации с приобретением значения близости: «Дорогой дружище Геннадий» (В. Аксенов); «Голубчик мой» (А. Куприн). Репрезентируя «осознаваемое» количество лиц: «Голубчик, сде-

лай одолжение...» (С. Довлатов); «Идемте, голубчики» (А. И. Пантелеев), вокативы не могут, как субстантивы, сочетаться с именами числительными.

В связи с постоянной близостью вокативов к своему прототипу *ты* напрашивается вывод о том, что вокативы по своим грамматическим признакам ближе к классу местоимений, чем к именам существительным, однако возникает и другая мысль: не является ли *ты* «классическим» вокативом, со свойствами которого «сверяются» остальные единицы данного семантико-грамматического ряда. Этот вывод звучит еще убедительнее, если учесть тот факт, что репрезентативная форма лексемы *ты* вокативная (см.: (Tokarski 1973, Кульпина 1984; Полонский 2001)), о чем свидетельствует не только употребление лексемы в качестве стилистически маркированного обращения: *Ты! Полегче!*, но и само коммуникативное пространство, которое и не может быть «портретировано» (воспользуюсь здесь термином Р. Лангаккера) иначе, поскольку первичной, задаваемой говорящим функцией адресатного имени является призыв, инвокация, инкорпорированная в соответствующую грамматическую форму. Грамматикализация лексического значения является общим признаком всех вокативов.

Промежуточными лексико-грамматическими свойствами обладает замкнутая группа «гибридных» лексем, таких, как *господин, госпожа, дама, товарищ, гражданин, гражданка, девушка, женщина, молодой человек, мужчина* и некоторых других, именуемых «субститутами местоимения второго лица» (Есперсен 1958. 253) или «местоименными субститутами» (Pisarkowa 1979: 6): «*Господин, соблаговолите, пожалуйста, отворить*» (А. Куприн); «*Гражданин!.. – строго повысила голос девушка*» (В. Шукшин); «*Товарищи! Не все у нас благополучно*» (Б. Ласкин); «*Граждане, действительно у купца бумажники свистнули*» (М. Зощенко).

Специфика данных лексем, назовем их *вокативными субститутами*, состоит в том, что они, с одной стороны, обозначают лицо, фокусируя его гендерно-возрастные и социальные признаки, которое может быть «паспортизировано» (признак субстантивов), а с другой – «коммуникативное лицо», не поддающееся «паспортизации», поскольку оно существует вне социально-пространственных координат (признак вокативов). Ср.: «*Это мой товарищ*» и «*Работать нужно, товарищ, вот что!*» (М. Зощенко); «*Я знаю, откуда эта гражданка*» и «*Откуда, – говорю, – ты, гражданка?*» (М. Зощенко). Двойственное положение, вызванное их устойчивым употреблением в адресатной функции, и создает специфику вокативных субститутов, которые, сохраняя свойства имен существительных, формируют вместе с вокативами так называемый корпус слов категории адресатности (см.: (Полонский 1999: 228 – 254)).

Семантическая структура вокативных субститутов, как правило, более сложная, чем у вокативов, включает несколько значений, среди которых адресатная сема находится не на первом месте:

«*Господин... 3. Форма вежливого обращения или упоминания в дореволюционное время – при фамилии или звании лиц, принадлежавших к привилегированному обществу, в настоящее время – по отношению к официальным представителям или гражданам других государств...*» (МАС I: 338).

При этом в обращении у вокативных субститутов активизируются не дифференциальные, а родовые признаки, близкие к эталонному вокативу. Так, например, в обращении *гражданин* актуализируется не комплекс сем, формирующих первое значение лексемы – «лицо, принадлежащее к определенному государству», а семы, присутствующие во втором значении – «взрослый», «мужчина». Ср. «Гражданин 2 Взрослый человек, мужчина, а также форма обращения к нему» (МАС I 342)

Сочетаясь с номинацией адресата по профессии, должности и фамилии, вокативы и вокативные субституты формируют различные регистры коммуникации, создавая национально обусловленную адресатную систему речевого этикета «Товарищ Назаров» (Г. Полонский), «Господин полковник!» (М. Булгаков), «Дорогой дружище Миша» (С. Есенин), «Я призвал вас голубчик Петр Дмитрич» (В. Шишков)

Таким образом, приобретенные в результате практического освоения русского коммуникативного пространства знания человек объективирует не только в отдельном слове как уникальной, выросшей из практики «клеточке языка» (Лурия 1979), но и в особом классе слов категории адресатности, включающем вокативы и вокативные субституты. Есть веские основания рассматривать вокативы в качестве самостоятельного грамматического класса слов, не только обладающего комплексом специфических признаков: 1) категориальным значением адресата, 2) синтаксической функцией обращения, 3) особыми синтагматическими свойствами, 4) уникальной падежной парадигмой, в которой репрезентирующей является вокативная форма, но и объективирующего специфический концепт – «ты»

Объективация концепта «ты» в современном русском языке свидетельствует о проницаемости частеречных границ, коллегированной с подвижностью границ инкорпорированных в части речи концептов, которые, как единицы сознания, динамичного и метафоричного по своей природе (Lakoff, Johnson 1980), и не могут иметь жестких границ. Границы в процессе категоризации задает сам человек, поэтому категории существуют как инвенции, или изобретения, а не как открытия (Брунер 1977)

«Мы не открываем группы, на которые подразделяются события и объекты, – справедливо указывает М. Мароди, – но находим способы их группировки. Несомненно, особенности, лежащие в основе выделяемых категорий, содержатся в природе категоризируемых событий и объектов, однако учитываются способности к дифференцированию, которыми обладает человек. Особенностей этих бесконечно много, поэтому и бесконечно много групп, в которых данный фрагмент действительности может быть категоризован» (Marody 1981 29)

Вокативы и вокативные субституты, то есть слова категории адресатности, возникающие в процессе концептуализации коммуникативного пространства, отражают его русскую национально-культурную специфику

Литература

- 1 МАС – Словарь русского языка / АН СССР, Ин-т рус яз, Под ред А П Евгеньевой В 4 т – М, 1981–1984
- 2 Ожегов С И Словарь русского языка / Под ред Н Ю Шведовой – М 1991
- 3 РСС – Русский семантический словарь / Под ред Н Ю Шведовой – М, 1998
- 4 Болдырев Н Н Когнитивная семантика Курс лекций по английской филологии Тамбов, 2002
- 5 Брунер Дж Психология познания – М, 1977
- 6 Вежбицка А Лексические прототипы как универсальное основание межъязыковой классификации “частей речи” // Вежбицкая А Семантические универсалии и описание языков – М, 1999 – С 134–168
- 7 Виноградов В В Русский язык (Грамматическое учение о слове) – М, Л, 1947
- 8 Всеволодова М В К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) Статья первая // Вестник Московского университета Сер 9 Филология 2005 – № 1 – С 22–49
- 9 Есперсен О Философия грамматики – М, 1958
- 10 Котвицкая Э К вопросу о категоризации частей речи в русском языке (в рамках современной лингвистической парадигмы) // Избранные вопросы русского языка и лингводидактики – Poznan, 2002 – С 95–99
- 11 Кубрякова Е С Части речи в ономаσιологическом освещении – М, 1978
- 12 Кубрякова Е С Части речи с когнитивной точки зрения – М, 1997
- 13 Кульпина В Г Сопоставление грамматических категорий существительных и личных местоимений // Исследование по славянскому языкознанию – М, 1984 – С 67–80
- 14 Лурия А Р Язык и сознание – М, 1979
- 15 Мурясов Р З Лексико-грамматические разряды в грамматике и словообразовании // Словообразование и лексические системы в разных языках Выпуск 1 Межвуз сб науч тр – Уфа, 1994 – № 4 – С 55–84
- 16 Панов М В Позиционная морфология русского языка – М, 1999
- 17 Полонский А В Категориальная и функциональная сущность адресатности – М, 1999
- 18 Полонский А В Эготив, вокатив, номинатив субъект и падежная парадигма // Русский язык за рубежом 2001 – № 1 – С 46–51
- 19 Поспелов Н С Учение о частях речи в русской грамматической традиции – М, 1954
- 20 Савченко А Н Части речи и категории мышления – Ростов-на-Дону, 1959
- 21 Сепир Э Грамматист и его язык // Языки как образ мира – М, 2003
- 22 Современный русский язык / Под ред Д Э Розенталя – М, 1971
- 23 Степанова М Д, Хельбиг Г Части речи и валентности в современном немецком языке – М, 1982
- 24 Супрун А Е Части речи в русском языке – М, 1971
- 25 Шелякин М А Функциональная грамматика русского языка – М, 2001
- 26 Щерба Л В О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку – М, 1957 – С 63–84
- 27 Hutchins E Cognition in the World – Cambridge, 1995
- 28 Jodłowski S Studia nad częściami mowy – Warszawa, 1971
- 29 Lakoff G, Johnson M Metaphors We Live By – Chicago, 1980
- 30 Marody M Technologie intelektu Językowe determinanty wiedzy potocznej i ludzkiego działania – Warszawa, 1987
- 31 Pisarkowa K Jak się tytułujemy i zwracamy do drugich // Język Polski 1979 – № 1 – S 5–7
- 32 Saloni Z Klasyfikacja gramatyczna leksemow polskich // Język polski 1974 – № 54 – S 3–13, 93–101
- 33 Tokarski J Fleksja polska – Warszawa, 1973